философии Маркса связан с рассмотрением его печатных и рукописных работ в контексте его личных жизненных реалий. Известно, что свои основные труды Маркс писал, живя в униженной нищете, в условиях, когда ему не хватало даже средств на похороны собственного ребенка. Как совершенно справедливо заметила М. Габриэл, «и всё же, как ни невероятно — но именно в эти годы лишений, нищеты, болезней и горестей Маркс сделал невозможное. Он изменил мир»¹³².

Так, относительно окончательной подготовки текста «Капитала» весной 1867 г. Маркс писал: «Потому, что я всё время находился на краю могилы. я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить своё сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью... Но я считал бы себя поистине *непрактичным*, если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи»¹³³.

В результате проведенного анализа мы можем заключить, что философия Маркса содержит в себе все наиболее важные элементы экзистенциальной философии, и поэтому представляет собой одну из её версий. Однако, в отличие от большинства представителей других версий (прежде всего, экзистенциалистов и сторонников философии жизни), марксова версия является рационалистической, гуманистической и революционно-оптимистической, ибо полагает, что свою подлинность человеческое бытие обретает не в-самом-себе, а только в активном трансцендировании экзистенции в мир... который надо не только объяснять, но и *изменять*.

¹³² Габриэл М. Карл Маркс. Любовь и капитал. Биография личной жизни. М.: АСТ, 2014. С. 60.

¹³³ Маркс К. Письмо Зигфриду Мейеру 30 апреля 1867 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 31. С. 454.

Глава 7

НАСЛАЖДЕНИЕ КАК ПРИНЦИП ИСТОРИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА

П. Кондрашов

В научном отношении основной заслугой К. Маркса (как по его собственному признанию, так и по мнению большинства обществоведов) является открытие и формулировка *материалистического понимания истории*¹ — основной методологии марксистского исследования социальной реальности, значение которой для марксистской мысли трудно переоценить, ибо все остальные части классического марксизма (политическая экономия, философская антропология, социальная философия, философия истории, политическая философия, историография, литературоведение, кроме, быть может, диалектики природы) так или иначе фундированы в существовании этой методологии. Действительно, радикальная *историчность* социального бытия — это

¹ Некоторые историки философии, правда, считают, что первооткрывателем материалистического понимания истории является Ф. Энгельс, т.к. он уже 1843—1844 гг. («Наброски к критике политической экономии») и 1845 г. («Положение рабочего класса в Англии») вплотную подошёл не столько к формулировке, сколько к «стихийному» применению этой методологии социального исследования. Бесспорно, такая точка зрения имеет право на существование, но все попытки приписать собственно «открытие» материалистического понимания истории Энгельсу, пресёк он сам в следующих словах: «основная мысль принадлежит всецело и исключительно Марксу» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 2); «в какой мере мне удалось продвинуться в этом направлении самостоятельно, показывает моя работа “Положение рабочего класса в Англии”. Когда же весной 1845 г. я вновь встретился с Марксом в Брюсселе, он уже разработал эту мысль и изложил её мне почти в столь же ясных выражениях, в каких я привёл её здесь» (Там же). См.: Вазюлин В.А. Роль Ф. Энгельса в подготовке открытия материалистического понимания истории // Вестник Московского университета. № 6. 1970.

основной лейтмотив всех исследований К. Маркса. Л. Альтюссер однажды заметил: «Маркс “открыл” для научного познания новый “континент”, континент истории — подобно тому, как Фалес открыл для научного познания “континент” математики, а Галилей — “континент” физической природы»².

В силу такого фундаментального положения материалистического понимания истории в структуре марксовской мысли, она подверглась и подвергается детальнейшему анализу (адекватному или неадекватному — это другое дело). Так, были тщательнейшим образом исследованы марксовы представления о социально-экономических формациях, о соотношении общественного бытия и общественного сознания, движущих силах истории, диалектике производительных сил и производственных отношениях, соотношении эволюции и революции, роли насилия, роли личности и народных масс в истории, закономерностях исторического процесса и т. д. и т. д.

В предлагаемой главе нам хотелось бы обратить внимание всего лишь на один малоизученный аспект марксовской философии истории, а именно на *взаимосвязь феномена наслаждения [Genuß] и процесса развёртывания исторического процесса*.

Заявленная тема может вызвать известное недоумение, так как, с одной стороны, проблема наслаждения является проблемой *этики*, а никак не философии истории; с другой стороны, даже в рамках этики Маркс обычно никогда не рассматривается в качестве представителя гедонизма (в крайнем случае, его относят к прагматистам)³.

Но давайте начнём с самого начала, т. е. несколько издалека, — впрочем, в философии так всегда обычно и бывает⁴.

² Альтюссер Л. К читателю // Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006. С. 5.

³ Интерес Маркса к теме наслаждения можно проследить, по крайней мере, начиная с 1839 года, когда он подготавливал материалы к докторской диссертации, посвящённой различиям между философскими системами Демокрита и Эпикура (1841).

⁴ Обилие цитат из произведений К. Маркса связано с тем, что сегодня в историко-философской литературе о Марксе принято говорить как о чём-то само собой понятном, но одновременно при этом говорить вещи, которые к нему никакого отношения не имеют. В силу такой подачи Маркса о нём складывается совершенно неадекватное представление, поэтому каждый тезис, возникающий у нас в ходе интерпретации марксовской философии, мы старались подтвердить соответствующей

Любое живое существо имеет потребности, которые удовлетворяются посредством внешней природы. Способом, которым человек удовлетворяет свои потребности, *является сознательная преобразующая деятельность [die Tätigkeit], или праксис [Praxis]*⁵. В силу того, что человек посредством праксиса производит и воспроизводит свою собственную жизнь, а значит, и жизнь всего общества в целом, деятельность оказывается не просто *сущностью человека*, но и *субстанцией* человеческого способа присутствия, *способом человеческого бытия*.

В процессе деятельности человеческое существо сознательно, на основе изначально поставленной цели, с помощью тех или иных орудий преобразует природный материал (вещь) таким образом, чтобы в своей преобразованной, изменённой форме этот материал был способен удовлетворить его потребность. В праксисе субъект полагает свое внутреннее бытие («дух»), самого себя *во вне*, в объект (природу), т. е. происходит материализация сознания, его воплощение в материю — *опредмечивание [Vergegenständlichung]*, в результате которого возникает *предмет, предметный мир, культура*, (нечто искусственное, созданное человеком и не встречающееся в природе в естественном виде, в отличие от вещи, являющейся природным материалом). Таким образом, в предмете оказываются одновременно снятыми субъект (человеческое сознание и деятельность) и объект (природный материал).

В предмете отражаются условия социального бытия, так как всякий предмет, созданный людьми, несёт в себе структуры и смыслы того общества, в котором он был создан. Создание предмета, таким образом, оказывается практическим вкладыванием социально-субъективных образов в объективную вещьность, — *опредмечиванием [Vergegenständlichung, или Äußerung]*, выдавание во вне, отдавание другим, овнешнивание,

цитатой. Работа историка философии не должна основываться на догадках, тем более, если перед ним имеются соответствующие тексты. Другое дело, конечно, когда речь идёт, скажем, о реконструкции взглядов досократиков, от которых мы имеем, к сожалению, так мало фрагментов.

⁵ Немецкий аналог *die Tätigkeit* не в полной мере передаёт те коннотации, которые Маркс вкладывает в понятие *Praxis*, особенно в связи с неогегельянским контекстом происхождения этого понятия. См.: Cieszkowski A. Prolegomena zur Historiosophie. Berlin, 1838.

экстериоризация]. С другой стороны, люди, пользуясь предметом, созданным другими людьми, в процессе своей собственной деятельности осваивают способы действий с предметом, т. е. усваивают, интериоризируют логику предмета, вложенную в него создателем предмета. В этом случае происходит *распредмечивание* [*Entgegenständlichuhg*] идей, проектов, мыслей, деятельностей [*Aneignung, присвоение, овнутривание, интериоризация*]⁶, опредмеченных, материализованных и застывших в предмете: субъективные переживания другого в практическом освоении предмета становятся моими собственными субъективными переживаниями.

Таким образом, сущность человека — деятельность — включает в себя не только субъекта с его преобразующей активностью, но и внешний мир, «втянутый» в эту активность, т. е. в структуру *отношений*. Практика — это вся *тотальная совокупность необходимых субъектных и объектных условий и структурных элементов этой активности*⁷. Человек — это уже не вещь, обладающая самосознанием и ограниченная пределами своего собственного тела, но он представляет собой действительную неразрывность *субъектной и объектной* сторон практики. Человек есть не только в-себе-сущее, «*внутреннее*», но он постоянно находится *вне себя* [*äußer*] в прямом смысле этого слова: предметный мир оказывается действительным, практическим *продолжением моего духа и моего тела*.

Имманентная диалектика *Äußerung* и *Aneignung* в процессе развёртывания праксиса состоит в том, что «моё», «внутреннее» сначала становится «внешним», принадлежащим предметности, а затем — «внутренним» достоянием другого. Так, моя мысль сначала овнешняется [процесс *Äußerung*] в виде речевого акта или письменного текста, а затем схватывается сознанием другого человека, т. е. становится внутренней [процесс *Aneignung*]. Подобный механизм действует и в обратном направлении, когда внешнее интериоризируется, овнутривается мной.

⁶ Автор выражает благодарность В. Ф. Шелике за тщательное разъяснение сложной немецкой терминологии, используемой Марксом, а также за обсуждение некоторых моментов данной статьи.

⁷ Не существует никакой «чистой активности» в духе Фихте. Для Маркса праксис — это понятие, в котором фиксируется не только *процесс*, но и учитываются все те *условия*, в которых этот процесс протекает.

Это надо понимать так, что если нечто от человека *переходит* в объективную реальность и человек *осознаёт* этот переход, то значит, он каким-то образом *переживает* своё отношение к-предмету. Эта практическая связь человека с миром обнаруживает себя в форме *неравнодушного* отношения к миру, эмоционально-экзистенциальной захваченности человека миром и мира человеком. Древние греки подобное отношение называли термином *συμπάθεια*, этимология которого отсылает к *совместности*⁸ и *страданию*, т. е. означает *со-страдание*⁹, и одновременно с этим — *совместную страсть, неравнодушность* друг к другу¹⁰. Мир «задевает», затрагивает, касается человеческого существа. И в этом подлинно диалектическом взаимодействии человека и мира, собственно говоря, и состоит то, что Маркс называет немецким термином *Verkehr, общение*. Собственно говоря, *Verkehr* представляет собой момент перехода от *Äußerung* к *Aneignung* и наоборот.

В системе своих общественных отношений, своего общения [*Verkehr*] человеческое существо, понимаемое Марксом как *тотальность* общественного индивида и внешнего мира, вступая в связи с внешним обнаружением самого себя в-мире, с одной стороны, в своих действиях выражает свое собственное существование для *иного* (будь то люди, животные, предметы, элементы природы, идеи), с другой стороны, *иное*, также выражающее, овнешняющее свое существование, схватывается человеком и переживается как *συμπάθεια*¹¹. Это и есть человеческое бытие-в-мире.

Но диалектика *Äußerung/Aneignung* (отсвоения/присвоения, овнешнивания/овнутривания) такова, что в определённых

⁸ Греческий префикс *syn-* соответствует русскому *со-* (ср. *совместный*), латинскому *con-* (*con-ventio*, со-глашение), немецкому *mit-* (*Mit-sein*, со-существование, со-бытие, со-вместное бытие).

⁹ Интересное сравнение обнаруживают такие слова, как *συμπάθειω, сострадать, соболезновать* (ср. Евр. 10.34) и *συμπαύω*, переводимое как *страдать вместе, разделять общие страдания*, и этимологически восходящее к *πάσχω, страдать, терпеть, переносить испытания, испытывать*.

¹⁰ Греч. *πάθος* помимо собственно *страдания* также означает *желание, страсть*, особенно в форме *πάθημα*.

¹¹ См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 631–632.

условиях эти процессы могут выступать в двух совершенно противоположных формах — *подлинной* и *неподлинной*.

Подлинность человеческого праксиса означает, что между этими двумя сторонами деятельности существует имманентное единство, согласие, когда, скажем, моя любовь в качестве внешнего действия по отношению к любимому человеку (*Äußerung*) вызывает ответное чувство, которое я вбираю в себя (*Aneignung*). Но и любимый, отдавая мне свою любовь (*Äußerung*), впитывает любовь, даваемую ему мной (*Aneignung*). Наши действия, выражаясь гегелевским языком, *светятся-друг-в-друге*: «Существование того, что я действительно люблю, я ощущаю как необходимое, я чувствую в нём потребность, без него моё существование не может быть полным, удовлетворённым, совершенным»¹². Подлинность праксиса фундируется, таким образом, в том, что всякое овнешнение всегда вызывает ответный процесс, т. е. наделяет ответной деятельностью другого, а значит, «компенсирует» себя в этом взаимном действии другого, которое субъект («Я») «овнутривает», включает в структуру своего собственного существа.

Деятельность двух индивидов оказывается сбалансированной взаимностью *Äußerung/Aneignung* отсвоения/присвоения, овнешнивания/овнутривания, — она составляет не разорванную субстанцию, а тотальность, которая и называется, в нашем случае, любовью.

Если человеческая деятельность реализуется как деятельность внутренне и внешне *свободная* — а такова она по своей имманентной сущности, — то связь человека с миром переживается как *наслаждение, удовольствие* [*Genuß*], которое Маркс понимает, по крайней мере, в двух аспектах.

Во-первых, он говорит о *субъективном* наслаждении, в котором человек наслаждается чувственным утверждением [*Bejahung*] предмета, например, непосредственно потребляя его в виде пищи, питья, обрабатывая его своим физическим и духовным трудом¹³. Но уже в этой простой чувственности наслаждения человеческое существо воспринимает предмет не как животное,

¹² Маркс К. Дебаты о свободе печати // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. С. 35–36.

¹³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 616.

а именно как человек: чтобы наслаждаться музыкой, надо быть музыкально образованным человеком, чтобы наслаждаться пищей, надо быть гурманом в хорошем смысле этого слова, а не забитым голодным существом, для которого важна только *пища* (*Fressen*, жратва), а не ее качество: поэтому бедность, нищета для Маркса *a priori* оказываются бесчеловечностью, скотством¹⁴.

Во-вторых, Маркс говорит о *субъект-субъектном* наслаждении, которое возможно только в условиях отсутствия отчуждения, а значит и при наличии очеловеченных чувств и ощущений. Вторая форма наслаждения более фундаментальна, ибо она схватывает, репрезентирует в себе не просто антропологическую ситуацию человечности, а ситуацию *социальной* человечности. Маркс пишет: «поскольку человек *человечен*, а следовательно и его ощущение и т. д. *человечно*, постольку утверждение данного предмета другими людьми есть также и его собственное наслаждение»¹⁵. Речь здесь идет о том, что я наслаждаюсь тем, что другой наслаждается своим собственным утверждением предмета в субъективном смысле. Мне доставляет удовольствие созерцание *наслаждения другого*: повар наслаждается тем, что приготовленная им пища доставляет наслаждение другим, музыкант испытывает радость оттого, что его музыка вызывает эстетическое наслаждение у слушателей, рабочий испытывает наслаждение потому, что кто-то наслаждается использованием вещи, которую сделал он. Но *такое* наслаждение наслаждением Другого, согласно Марксу, невозможно при господстве частной собственности, ибо в ее контексте всякое наслаждение редуцируется только лишь к субъективной форме, и при том условии, что индивид может наслаждаться предметом *только* в форме *обладания, владения* этим предметом. В этом случае, Я не может радоваться, когда Другой наслаждается чем-то, ибо это «нечто» потребляется не Я, — и в силу этого у Я возникает только одно чувство — *чувство зависти*.

Неподлинное осуществление праксиса обнаруживает себя в том, что эти два диалектических процесса (*Äußerung* и *Aneignung*) не просто оказываются противоположными (для диалектики это

¹⁴ Ср.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 600–601.

¹⁵ Там же. С. 616. Ср.: «Точно также чувства и наслаждения других людей стали моим собственным достоянием» (Там же. С. 592).

вполне естественно), но при всей своей противоположности они *не отражаются, не рефлектируют, не светятся-друг-в-друге*. Если мы продолжим наш пример с любовью, то такое взаимное разъединение *Äußerung* и *Aneignung* лучше всего описал К. Маркс: «Каждое из твоих отношений человека к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту твоей воли проявлением твоей действительной индивидуальной жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь не порождает ответной любви, если ты твоим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье»¹⁶.

Неподлинное (т. е. не соответствующее его имманентной природе) осуществление праксиса, таким образом, связано с определённой формой дисбаланса, противоречия между имманентными деятельностями процессами *Äußerung* и *Aneignung*. Феноменологически подобный дисбаланс обнаруживает себя в таких формах, как *безответность* (в нашем примере с любовью), *неэквивалентность* (в процессах эксплуатации), *утрата* (в процессах отчуждения), *превращение* (например, в виде превращённых форм сознания, товарном фетишизме, видимости, идеологии, иллюзорности, — феноменах, описанных Марксом), *бесчеловечность* (в условиях существования или общения людей). Сама по себе неподлинность конституируется только тогда, когда созревают соответствующие условия для её развёртывания.

Попытаемся теперь включить эти особенности двух способов реализации человеческого праксиса в общий контекст марксовой социально-философской концепции.

Известно, что под историчностью Маркс понимает такое развёртывание социального праксиса во времени и пространстве, в рамках которого одно поколение, изменяя налично данную природу, созидает конкретный предметный мир и конституирует конкретные формы социальной организации своего собственного бытия; этот социально-предметный универсум затем изменяется следующим поколением и т. д. и т. д. Нас здесь не интересуют движущие силы этих изменений, — самое главное состоит в том, что динамика этих преобразований и их имманентная преемственность дана налично в виде того, что Маркс назвал *спо-*

¹⁶ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 42. С. 151.

*собами производства*¹⁷. Как же связаны между собой учение о подлинном и неподлинном праксисе и учение об историчности?

Природные катаклизмы и постепенное развитие техники и технологии привело к возникновению *земледелия*. Его развитие и дальнейшее усовершенствование техники, бессознательная и даже сознательная селекционная деятельность, войны и т. д. привели к тому, что объёмы производимой продукции стали превышать необходимо требуемое количество, — появляются *излишки*. Именно возникновение последних позволило некоторой части населения (совершенно различными способами) конституировать такие общественные отношения, в которых они *освобождались от необходимости* непосредственного участия в физическом труде¹⁸. Правовое закрепление этого освобождения немногих проявилось в *частной собственности на средства производства*.

Именно *частная собственность* и положила конец первобытной земледельческой *всеобщей* трудовой повинности: если ранее все люди трудились, то отныне частная собственность ввела социальную сегрегацию: большинство работает, меньшинство отдыхает¹⁹. Этот «отдых», конечно же, не есть ничего-неделание современного тунеядца, напротив, он означает в некотором смысле нечто весьма «тяжёлое»: управление государством,

¹⁷ Сколько бы сегодня не спорили по поводу этих понятий и не критиковали Маркса, просто *невозможно* отрицать того факта, что имеется *фундаментальное* различие между системами хозяйства и жизненным укладом («формациями»), скажем, современных (= первобытных) пигмеев и западноевропейским капитализмом.

¹⁸ «Пока производительность труда не достигла определённого уровня, в распоряжении рабочего нет времени для безвозмездного труда, а пока у него нет такого времени, невозможен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты; но в таких условиях невозможны также рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом — какой бы то ни было класс крупных собственников... Лишь тогда, когда люди своим трудом уже выбились из первоначального животного состояния, когда, следовательно, сам их труд уже до известной степени стал общественным, — лишь тогда возникают отношения, при которых прибавочный труд одного человека становится условием существования другого» (Маркс К. Капитал. Т. I // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. Т. 23. С. 520).

¹⁹ «В капиталистическом обществе свободное время одного класса создаётся посредством превращения всей жизни масс в рабочее время» (Маркс К. Капитал. Т. I. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 661).

философствование, художественная деятельность, занятия наукой и самообразование, участие в пирах (светской жизни и гламура). Но *фундаментальное различие* между этими двумя типами человеческой деятельности, человеческого праксиса состоит не в степени их сложности или тяжести, а в том, что первая деятельность — *труд* [*die Arbeit*] является деятельностью *вынужденной* и зачастую *принудительной*, в то время как деятельность второго типа оказывается деятельностью *свободной* (Маркс называет её *самодетельностью, die Selbstbetätigung*)²⁰; первая осуществляется человеком в силу того, что он (раб, зависимый крестьянин, рабочий) *должен* выполнять её, чтобы просто-напросто физически *выжить*, ибо у него нет иного источника для существования, кроме своей рабочей силы; вторая, напротив, осуществляется человеком только потому, что он сам *хочет* её выполнять, даже несмотря на все её трудности и сложности.

В силу этих различий *die Arbeit* оказывается деятельностью, приносящей утомление и страдание, так как индивид не желает её выполнять, а *die Selbstbetätigung*, напротив, приносит удовольствие, ибо оказывается деятельностью *не-вынужденной*, а *свободной*. Однако не надо думать, что *die Arbeit* — это деятельность рабочих и крестьян, а *die Selbstbetätigung* — деятельность «свободных художников». На самом деле любая человеческая деятельность может выступать в той или иной форме. Например, работа на токарном станке, которая утомляет и раздражает современного рабочего, доставляла огромное удовольствие Петру I, а процесс написания многих произведений вызывал чуть ли не тошноту у Ф. М. Достоевского, ибо причиной их написания была необходимость заработать деньги, чтобы расплатиться с долгами.

Как заметил молодой Ф. Энгельс: «Если добровольная производительная деятельность является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки — самое жестокое, самое унижающее мучение. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе противно!»²¹

Следует заметить, что разделение труда и наслаждения, с точки зрения Маркса, носит не обезличенный характер простого

²⁰ В дальнейшем мы будем придерживаться этой терминологии Маркса.

²¹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 2. С. 351.

размежевания, равнодушного к конкретным условиям бытия людей, напротив, Маркс, в прямом соответствии с методологией материалистического понимания истории говорит о том, что это разделение носит не только *классовый*, но и *исторический* характер.

Так, в «Немецкой идеологии» он пишет, критикуя антиисторические взгляды М. Штирнера: «В средние века наслаждения были полностью классифицированы; каждое сословие имело свои особые наслаждения и свой особый способ наслаждаться. Дворянство было сословием, обладавшим привилегией — жить исключительно для наслаждения, тогда как у буржуазии существовал уже разрыв между трудом и наслаждением, и наслаждение было подчинено труду. Крепостные — класс, предназначенный только для труда, — пользовались только крайне малочисленными и ограниченными наслаждениями, которые выпадали на их долю скорее случайно, зависели от прихоти их господ и от других случайных обстоятельств и едва ли могут приниматься в расчёт. — При господстве буржуазии наслаждения восприняли свою форму от классов общества. Наслаждения буржуазии определялись материалом, произведённым этим классом на различных ступенях его развития, и им был придан — как индивидами, так и усиливающимся подчинением наслаждений денежной наживе — тот скучный характер, каким они отличаются до сих пор. Наслаждения пролетариата, — из-за длинного рабочего дня, в силу чего потребность в наслаждении была доведена до высшей точки, а, с другой стороны, благодаря качественной и количественной ограниченности доступных для пролетариев наслаждений, — приобрели свою нынешнюю грубую форму»²².

Но вернёмся к собственно историческому процессу. Дальнейшее развитие общества, после возникновения классов, Маркс связывает с борьбой классов. Стадии, которые проходит историческое развитие антагонистического общества, общеизвестны по школьным учебникам: рабовладельческий строй, феодализм, капитализм. И хотя такой периодизации формаций у самого Маркса нет, во всех этих способах производства действительно имеет место радикальное противоречие между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. С. 419.

В рабовладельческом и феодальном обществах физический труд был, безусловно, тяжёл и порой даже невыносим. Но крепостной крестьянин, работающий в поле, вероятно, получал хоть какое-то удовлетворение от своего труда (в России хотя бы потому, что не попадался на глаза своему помещику-самодуру, который мог назначить ему десяток плетей «просто так», «для порядку»). Крестьянин, по крайней мере, *видел природный смысл в своей работе*. Капитализм же радикализирует отчуждение, и труд промышленного рабочего полностью утрачивает всякую осмысленность и удовлетворение. Маркс пишет: «В земледелии, как и в мануфактуре, капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время источником мучений для производителей, средство труда — организованным подавлением его индивидуальной жизнедеятельности, свободы и самостоятельности»²³.

Капитализм доводит дело до того, что «быть производительным рабочим — вовсе не счастье, а проклятие»²⁴, но не только в смысле бессмысленности, тяжести, частичности и тупости промышленного труда, но и в том, что человек начинает чувствовать себя не живым существом, а простой машиной: «фабричный рабочий есть лишь движимая принадлежность фабрики»²⁵. «... Все средства для развития производства... уродуют рабочего, делая из него неполного человека [einen Teilmenschen], принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовные силы... делают отвратительными условия, при которых рабочий работает, подчиняют его во время процесса труда самому мелочному, отвратительному деспотизму, всё время его жизни превращают в рабочее время»²⁶.

Но *положительной* чертой классовой борьбы являлось то, что она заставляла усовершенствовать производство, технологии, общественные отношения, политические институты. Именно «нечеловеческий каторжный труд [unmenschlichsten Arbeitszwang]»²⁷ рабочего, его нищета и бесчеловечная действи-

²³ Маркс К. Капитал. Т. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 514.

²⁴ Там же. С. 517.

²⁵ Там же. С. 589-590.

²⁶ Там же. С. 660.

²⁷ Там же. С. 490.

тельность [unmenschlichen Wirklichkeit], его обезчеловеченность [Entmenschung] являются субъективным источником того, что капиталистический способ бытия ведёт самого себя к уничтожению²⁸. Объективным же источником этого процесса является развитие общественного характера производства²⁹.

Всё это в совокупности вело к тому, что, хотя радикальное разделение между собственниками средств производства и несобственниками сохранялось (т. е. сохранялось разделение *труда и наслаждения, необходимости и свободы, несчастья и счастья*³⁰, *die Arbeit* и *die Selbstbetätigung*), тем не менее, исторический прогресс

²⁸ «Так как в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности [unmenschlichsten Spitze]; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрёл теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности [Unmenschlichkeit] велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому прикрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*, — то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненных условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества [alle unmenschlichen Lebensbedingungen der heutigen Gesellschaft], сконцентрированных в его собственном положении» (Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 2. С. 40).

²⁹ «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается» (Маркс К. Капитал. Т. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 773).

³⁰ «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение [menschliche Selbstentfremdung]. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении [Selbstentfremdung] удовлетворённым и утверждённым, воспринимает отчуждение как свидетельство своего *собственного могущества* и обладает в нём *видимостью* человеческого существования [Schein einer menschlichen Existenz]. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении [Entfremdung] уничтоженным, видит в нём своё бессилие и действительность нечеловеческого существования [Wirklichkeit einer unmenschlichen Existenz]» (Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 2. С. 39).

развития общества состоял в том, что у тех, кто ранее был полностью поглощён выполнением обезчеловечивающего труда, постепенно появлялось всё больше и больше *свободного* времени, т. е. того времени, в рамках которого они могли заниматься не тем, что им предписывала их нужда, но и их собственное *желание*. Достаточно сравнить темпоральную структуру жизнедеятельности современного рабочего и рабочего середины XIX века, чтобы понять существо этого прогресса. Усовершенствование производства привело к сокращению рабочего дня, и свободное время индивиды начали заполнять собственно человеческой деятельностью (*die Selbstbetätigung*)³¹.

В своей политической теории Маркс, когда описывает коммунизм, он, собственно говоря, производит тотальную экстраполяцию этого процесса постепенной элиминации *die Arbeit* и замещения её *die Selbstbetätigung*. Коммунизм мыслится Марксом как такое общество, в котором развитие производительных, духовных, экзистенциальных и всех иных сил достигнет такого радикального, невиданного ранее уровня, когда *все члены общества* будут *человечными* в том совершенно простом смысле, что будут *свободны* в выборе своей собственной деятельности, которая будет для них экзистенциально и эмоционально желанна, когда они будут не бежать от неё, как от чумы, а будут получать от неё удовольствие, — когда бытие превратится в *радость жизни* [*Lebenslust*], которая *проявляется только там, где нет неестественного принуждения и цепей буржуазной жизни, а есть только свободное проявление человеческих склонностей, человеческий восторг и богатство ощущений*³².

³¹ Мы, разумеется, понимаем, что в условиях капитализма свободное время рабочих большей частью заполняется отчуждёнными формами нормальной деятельности (пьянством, наркоманией, сексом, игрой, просмотром телевизора, шопингом), а то и вовсе асоциальной деятельностью. Но все это — порождения капитализма.

³² «При всей своей хрупкости Флёр де Мари сразу же обнаруживает жизненную бодрость, энергию, весёлость, гибкость характера — такие качества, которые одни только в состоянии объяснить её человеческое развитие в условиях её *бесчеловечного* положения [*entmenschten Lage*]... Она *добра* потому, что никому не причинила *страдания*, она всегда была *человечна* [*menschlich*] по отношению к бесчеловечному окружению [*unmenschliche Umgebung*]. Она *добра* потому, что солнце и цветы открывают ей её собственную солнечную и, как цветок, невинную натуру. Она *добра*, наконец, потому, что она ещё *молода*, полна надежд

Но такое положение дел возможно только тогда, когда будет уничтожен труд: «Если коммунизм хочет уничтожить как “заботу” бюргера, так и нужду пролетария, то он ведь не сможет, само собой разумеется, сделать это, не уничтожив причину той и другой, т. е. не уничтожив “труд”»³³.

Мало кто (даже среди марксистов) понимал то туманное место из «Немецкой идеологии», в котором Маркс и Энгельс говорят об уничтожении труда [*Aufhebung der Arbeit*]³⁴. Думается, что после проведённого анализа это становится совершенно прозрачным: под *трудом* здесь Маркс и Энгельс понимают не деятельность вообще [*Praxis, die Tätigkeit*] (таковая может исчезнуть только вместе с человеком), а только несвободную, вынужденную деятельность, существующую в капиталистическом обществе и приносящую страдания [*die Arbeit*].

Только коммунистическая революция сбрасывает «с себя всю старую мерзость» [*ganzen alten Dreck*] и уничтожает не один господствующий класс, заменяя его другим господствующим классом, а уничтожает «современную форму деятельности» [*die moder[ne] Form der Tätigkeit*]³⁵, т. е. труд [*die Arbeit*]: «при всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, — всегда дело шло только об ином распределении

и жизненной бодрости. Её положение — *недоброе*, потому что оно налагает на неё неестественное принуждение [*unnatürlichen Zwang*], потому что оно не есть проявление её человеческих склонностей [*Äußerung ihrer menschlichen Triebe*], не есть осуществление её человеческих желаний, потому что оно мучительно и безрадостно. Мерилом её жизненного положения ей служит не *идеал добра*, а её *собственная индивидуальность, природа её существа*. На лоне *природы*, где падают цепи буржуазной жизни, где Флёр де Мари свободно может проявлять свою собственную натуру, она обнаруживает поэтому такую бьющую ключом радость жизни [*Lebenslust*], такое богатство ощущений, такой человеческий восторг перед красотами природы, которые доказывают, что её положение в обществе затронуло только поверхность её существа, что это положение — не больше чем злая участь и что сама она ни добра, ни зла, а только *человечна* [*menschlich ist*]» (Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 2. С. 186–187).

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. С. 207.

³⁴ См. об этом: Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. Москва-Екатеринбург. Кабинетный ученый. 2017. С. 531–563.

³⁵ Там же. С. 70.

этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против прежнего *характера* деятельности, устраняет *труд*»³⁶.

Наслаждение и радость возможны только тогда, когда человеческая деятельность перестаёт быть *работой*, *вынужденным трудом*³⁷, *осуществляемым ради физического выживания*, и становится *самодеятельностью*.

Маркс и Энгельс писали: «Единственная связь, в которой они [индивиды] ещё находятся с производительными силами и со своим собственным существованием, — труд, — потеряла у них всякую видимость самодеятельности [*Selbstbetätigung*] и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит её. Тогда как в прежние периоды самодеятельность и производство материальной жизни были разделены вследствие того, что они являлись делом различных лиц, и производство материальной жизни ещё считалось, в силу ограниченности самих индивидов, второстепенным видом самодеятельности, — теперь они настолько отделились друг от друга, что вообще материальная жизнь выступает как цель, а производство этой материальной жизни — труд (который представляет собой теперь единственно возможную, но, как мы видим, отрицательную форму самодеятельности) выступает как средство...

Только современные пролетарии, совершенно оторванные от самодеятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самодеятельности, которая заключается в присвоении совокупности производительных сил и в вытекающем отсюда развитии совокупности способностей...

Только на этой ступени самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют друг другу превращение труда в самодеятельность [*die Verwandlung der Arbeit in Selbstbetätigung*]³⁸ и превра-

³⁶ Там же. С. 70.

³⁷ «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» (Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. в 9-ти тт. Т. 9. Ч. II. С. 349).

³⁸ Обратите внимание на противопоставление Марксом понятий *die Arbeit* и *die Selbstbetätigung*.

щение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые»³⁹.

Деятельность же, совершающаяся в условиях, в которых уничтожен отчуждённый труд, по сути дела, совпадает с *наслаждением*, так как здесь «отпадает самая основа всей этой противоположности между трудом и наслаждением!»⁴⁰

Подведём некоторые итоги. В ходе предпринятого разыскания мы увидели, что в материалистическом понимании истории имеет место весьма интересная, даже в рамках марксизма альтернативная (наряду с экономической, политической, технологической и т.д.) интерпретация исторического процесса, связанная с диалектикой труда и самодеятельности (принудительного труда и деятельного, производительного, наслаждения). В самых общих чертах её можно описать следующим образом.

В условиях ограниченности и примитивности орудий труда все члены общества вынуждены осуществлять *тяжёлый повседневный физический труд* [*die Arbeit*] в целях сохранения своего собственного наличного бытия. С развитием техники и умений *небольшая часть общества* в определённых условиях *освобождается от вынужденного труда* [*die Arbeit*] и начинает заниматься только той деятельностью, которая им нравится [*die Selbstbetätigung*] и доставляет им удовольствие [*Genuß*]. С постепенным движением истории и соответствующего развития производительных сил и производственных отношений, всё большая и большая масса населения освобождается от *труда* и получает доступ к *самодеятельности*, правда пока только в виде постепенного увеличения *свободного времени*. Коммунизм же представляется Марксу как такое общество, в котором все индивиды будут осуществлять только *die Selbstbetätigung* (за исключением самого необходимого вынужденного труда)⁴¹, что будет обусловлено самым радикальным развитием всех производительных сил и производственных отношений.

Таким образом, видно, что для Маркса исторический процесс предстаёт в виде постепенного, во многих отношениях

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. С. 67–69.

⁴⁰ Там же. С. 206.

⁴¹ «Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом» (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. С. 539).

трагического, движения от *die Arbeit* к *die Selbstbetätigung*, от *вынужденности* к *свободе*, от *отчуждения* к *полноте бытия*, от *неподлинности* человеческого бытия к своей *подлинности*, от *страдания* к *удовольствию*. В структуре этого исторического движения при ближайшем рассмотрении можно выделить следующие три стадии:

(1) тотальное господство *die Arbeit*;

(2) разделение общества на социальные группы, одна из которых существует за счёт другой в силу наличия излишков (позже — частной собственности), т. е. происходит *социальное* разделение между *die Arbeit* и *die Selbstbetätigung*, т. е. страданием и наслаждением, характеризующееся неравенством;

(3) тотальное господство *die Selbstbetätigung* при известном сохранении необходимого труда (*die Arbeit*), который, правда, уже не будет носить характер отчуждения и страдания, так как индивиды будут выбирать его свободно.

И ещё. Из всей этой реконструкции философии Маркса мы можем сделать чисто историко-философский вывод: никакого «эпистемологического разрыва» между «молодым» и «зрелым» Марксом *не было*: на всём продолжении своего существования мысль Маркса оставалась внутренне единым, целостным учением — философией практики. И, как нам представляется, одним из наиболее важных понятий, которое конституировало эту имманентную тотальность, было понятие *наслаждения* [*Genuß*].

Глава 8

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В РУКОПИСЯХ К. МАРКСА

А. Коряковцев

Критика К. Маркса, еще недавно казавшаяся сокрушительной, на самом деле лишь по волоску выдергивала из его бороды. В результате Маркс только молодел. Чтобы понять, почему, внимательно прочтем его Рукописи¹.

Самые ранние из них — «Экономическо-философские рукописи 1844 г.»² — не случайно были названы так советскими публикаторами³. Экономическое и философское содержание на их страницах переплетено и взаимно друг друга обуслов-

¹ Анализ философской антропологии К. Маркса см.: Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Философская антропология Карла Маркса. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. — 240 с.; Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2017. С. 684; Кондрашов П. Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. М.: Ленанд, 2019. — 216 с.; Бережной Н. М. Проблема человека в трудах К. Маркса. М.: Высшая школа, 1981. — 111 с.; Фромм Э. Концепция человека у Карла Маркса // Фромм Э. Душа человека. М.: Политиздат, 1992. С. 375–414; Цанн кай си Ф. В. Проблема человека в работах Маркса 40 х гг. XIX в. Владимир, 1973; Plamenatz J. Karl Marx's philosophy of man. New York: Oxford University Press, 1975; Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. — 360 pp.; Santilli P. Marx on Species-Being and Social Essence // Studies in Soviet Thought. 1973. № 13 (1–2). Pp. 76–88; Tabak M. Dialectics of Human Nature in Marx's Philosophy. New York, 2012. — 231 pp.

² Текстологический анализ см.: Fay M. The 1844 Economic and Philosophic Manuscripts of Karl Marx: A Critical Commentary and Interpretation. Berkeley: University of California, 1979. — 447 pp.

³ Иногда эти тексты молодого Маркса называют «Парижскими рукописями». См.: Maguire J. Marx's Paris Writings. New York: Barnes & Noble, 1973. — 169 pp.